

Андрей Ключанский

Родился в 1968 году в Омске. Поэт, прозаик. Публиковался в периодических изданиях: «Арион», «Дети Ра» (Москва), «День и ночь» (Красноярск), «Иркутское время», «Голоса Сибири» (Кемерово), «Складчина», «Омская муза», «Литературный Омск» (Омск) и др. и стихотворных сборниках: «Хочу домой» (Омск, 2002), «Бесследная душа» (Омск, 2003), книге сказок «Медведь, который всё придумал» в соавторстве с Ольгой Красковой (Омск, 2004), «Настой из летних трав и настоящего» (Омск, 2009), «Бог мотыльков танцует...» (Омск, 2014). В литературно-краеведческом альманахе «ТарЯне» публикуется впервые.

Член Союза российских писателей.

ЗГА

[К вопросу о тёмной материи]

1

Бог мотыльков танцует на вершине
свечи, и дремлет в стеарине
ось мира, освещённого кругом.
Примета каждой вещи в доме
ждёт имени себе во мгле и дрёме
ночной. Всё неподвижно, кроме
теней и пламени под сквозняком.

И я бы замер безымянной вещью,
когда б не это божество над свечью;

и я бы стал сплошным зрачком,
когда б не света – окоём.

2

Я так один.

*Р.-М. Рильке. Из стихотворения,
написанного на русском языке*

Мне очень-очень одиноко,
и одиноко так далёко,
что там уже и тьмы-то нет.
Всё без тебя здесь в одиночку.
Вселенная уходит в точку.
Здесь не любовь выводит строчку,
здесь точка всасывает свет.

«Я так один», – сказал когда-то
я, так один и одноОк,
что вот оно – одно, зрачок
сплошной, ничто, расплата
за звук, за слово и молчок.

Но вот же ты! Под одеялом
со мною, близко так, что я,
я так с тобой, что даже в малом
в тебе теперь, любовь моя...

О, эта взвесь, туман багровый
над сердцем боли и любви.
Дышу с трудом, и каждый новый
вдох мой купается в крови.

О, Вдох мой – воздух утешенья
тому, что буду выдыхать,
тому, кто ровного теченья
любви устал искать и ждать.

3

Прощай, снежинка на ладони,
и здравствуй, капелька воды!

И нет меня, всё это – ты,
слова, ладонь и дале, доле...

Ты есть – кто это произнёс,
тот начал путь от слёз до звёзд.

Ты есть – кто этим озарён,
по-настоящему есть он.

Ты есть, и этот ветер вслед,
и не ослеп, когда стал свет.

* * *

С той стороны зеркального стекла...
Арсений Тарковский

Мы заштрихованы дождём,
травую высокой,
осокой,
и нами зашифрован дом
туманами и неохотой
быть дома. Если мы не здесь,
мы – вор, мы – грешная бутылка пустая,

вечно голодная слепая стая
без глаз, без мира, без сердец...

Но мы с тобою дома, в мире, в сердце,
и в самом центре жизни и тепла,
и в пламени дрова, и ужин греется,
и книга новая открыться нам смогла...

...а в книге той, с той стороны стекла
оконного, прокладывают реки
свой новый путь в просторные луга,
и в книге той проснулись мы навеки,
и ветер жив, и даль уже светла,
и листьям на деревьях счёта нет,
и смерти нет страницам
блистательных, особых дней,
в которые мы сможем возвратиться,
когда угодно будет ей,
душе безвременно твоей.

ГЕРОЯМ НАШЕГО ВРЕМЕНИ

Чёрный ворон, чёрный ворон...
Русская народная песня

1

Был я светлый – стал я серый,
светло-серый, но пустой.
Не опознан лик мой стёртый
здесь пред смертной суетой.

Мне легко на поле брани!
Знай, руби да подвигай!
Пуля сердца не обранит!
Знай, люби да погибай!

Там – я светлый, грязный, бранный,
весь в крови, встречай меня!
Ну, а здесь я безобразный,
никакой день ото дня...

Светло-серые покои.
Ветер травы шевелит.
Отдыхают здесь герои.
Мелкий дождик моросит.

Чёрный ворон – супервоин
над любой моей войной.
Он один любви достоин:
ждать умеет ворон мой.

Чёрный ворон – потреблятор
глаз моих, сердец моих.
Всё-то в них ему приятно,
ятно всё и явно в них.

Кушай, ворон, баю-баю.
Я моё – теперь не я.
Очень скоро я узнаю
то, что съесть никак нельзя.

* * *

ВВЕДЕНИЕ В НАЧАЛЬНУЮ НЕЙРОНАВТИКУ

*[Омск. Ноябрь. Парк Победы, серебристый
тополь, сорт «омский-1»]*

Плывёт. Куда ж нам плыть?
А. С. Пушкин «Осень»

А. С. ПУШКИН «ОСЕНЬ»

Союз Советских Социалистических
Республик
образовал когда-то этот парк.
И я сюда пришёл, бессмысленный,
как нулик,
бессмысленно глядеть в сгущающийся мрак:
так зеркало себя не отразит никак
в таком же зеркале, когда их вдруг
сомкнули...

И вдруг деревьям, что вокруг, –
зашелестелось,
и я увидел, что листва ещё на них
крепка и зелена, как мне хотелось:
кусочек лета в ноябре, пускай на миг.
И вот оно – я чувствую, я вижу, слышу, вник
и обретаю целостность и целость.

Изнанкой серебристой влажно блещет
листва в волнах высоких тополей,

где каждый листик парусом трепещет
на мачтах мачт своих ветвей, ветвей
над чёрной палубой земли – Луны полней,
прибой безбрежный и всенощный плещет.

И тот же ветер в синапсах нейронных
сетей вешует и наращивает шум
таких же симфонических неровных,
и бледным юнгой мечется мой ум,
отчаявшийся стать матросом, – малышу
хвататься не за что в потоках непокорных:

не знает он, но знать давно обязан,
что капитан здесь – Бог, душа и вдох,
а автор этих строк метафорой привязан
к одной из мачт и выдыхает в срок.
Остановись же, ум, и трепещи, листок,
под моросейкой ноября умыт и влажен,

и серебрист. И Слава нейронавтам,
безумцам в узнавании миров
внутри себя, по белым-белым картам
себя прокладывающим вновь и вновь
туда, где не ступала ещё – ничья любовь,
не рос никто и не возрос хоть как-то!!!

Нам предстоит переоткрыть всё заново
однажды:
первозначенья слов, которыми полны,
простой воды привет, не утолившей жажды,
всё только потому, что мы одной волны,
и до любви доплыть, конечно,
должен каждый,
до дома своего и до своей страны.

* * *

1

Мой любимый человек,
мне какой-то снится снег
(он летит, и я лечу,
он ложится – я лежу)
и бетонные фрагменты
стен домов и дно двора...
Хочешь, мы проснёмся вместе?
До утра.
И до вчера.

Снег идёт.
Снежок пошёл,
и витает, не опав,
и ложится хорошо
между нами, между трав...

Солнце где-то есть, но так...
белым ветром в серый парк.
Я листву ещё провижу
под ногами на тропе
и свои ботинки чищу
в полусогнутой траве...

Но земля под небесами
скоро скроется от глаз.
Будем согреваться сами
до бесплатного тепла.

* * *

НЕОКОНЧЕННАЯ ТЕЛЕГРАММА (СЕБЕ?)

Мальчик, живущий на подоконнике
зимой в день неземной,
не уходи тропкой робкою, тоненькой
в придуманный лес ледяной.

Это – не правда. Оконная рама
далёко не око чудес,
тебе одиноко, а папа и мама
за этой завесой завес.

Дыши на стекло, пока не истекло
время твоей любви.
К теплу взлетает любое тепло –
словом ему помогай, зови.

И не открывай окно – там вакуум,
там – стужа, ужас, непростая смерть.
Лететь насквозь космическим корабликом
тебе досталось и вперёд смотреть.

Лети себе. Ты приземлишься утром
на зимнюю, но светлую печаль.
Всё так – забвение обращено уютом,
отчаяние превратилось в чай,

а первый твой «скафандр как будто»
пусть снова будет бабушкина шаль.

Ты настоящее моё всегда.
Лицо меняется, но крови не изменишь,
она у нас навек – одна.
Одно отсюда ясно – ты не онемеешь,

мои слова тебе помогут жить
и говорить, напоминая Слово,
которое уже нельзя произносить
снова.

* * *
ВЕСЕННЕЕ РАВНОДЕНСТВИЕ

[Март, весеннее равноденствие]

Палые, талые листья, летАлые...
и ни на что не похожи, прости,
древней весною моею лесною,
где ни души ещё не спасти.

Земля ожидает тепла и открытий
всех оболочек вселенных семян,
готовятся новые цепи событий
для новорождённых этих землян.

Что же я медлю и перебираю
прошлую, прАшью листву
и существительное прилагаю
там, где глаголу быть надо – расту?

* * *
[Ранняя весна, парк Победы]

Такая безнадёга... ну... когда
пытаешься согреться от костра
из прелых листьев.

И как зимою жить я мог?
Молил весну и вот – продрог,
и отвечает лишь дымок
моей молитве.

Вот так и молимся – живьём:
то разгребаем, то гребём
носком ботинка.

И небо низко над землёй
над костерком склонилось – мной:
лист перепрелый, перегной,
дымок... и дымка.

* * *

ЛЕТНИЙ СОЛНЦЕВОРОТ

Тиховетю К.

То, что набрало Солнышко,
а и благодАрит власть.
От самого отца моего зёрнышка
роща плодов началась.

Зачатое зрит, созревая,
свет приводя во плоть.
Убыль солнечная здесь – была живая,
узнавание и обмолот.

Пока ещё Солнце высоко
и нам не пришёл собор
того, что мы сеем глубоко,
беги, сынок, возводи костёр!

Правят кострами радости
предки и детки твои,
корни и ветки твоей благодарности!
Сердце откроется – песню твори!

* * *

Ну, вот,
теперь ты в поезде,
а я на полустанке
с цветами полевыми жду тебя
и знаю точно,
не по циферблату,
когда поЕздом ты
в окошечке вагонном
мелькнёшь...

И всё,
Поезд ушёл.
На остывающие рельсы
ещё хранящий пульс
железно-дрожный путь
легла роса,
и утренние сумерки укажут
мне путь иной:

от насыпи из гравия – и в лес,
в его родную дрёму,
настоянную хвойную истому,
хранящую мой дом и все ключи от дома,
пречистые прохладные ключи.
Ты знаешь, где они припрятаны.
Молчи.
Букетик полевой и путеводный
на шпалах скользких утром отыщи.
Увидишь лес
и мне рукой цветочною маши, маши, маши...

...а я увижу тебя и побегу навстречу.
Я мигом замечу тебя и узнаю,
потому что не сплю с тех пор...

* * *

ПОСЛЕДНИЙ ДЕНЬ ЛЕТА

Нежен день.

Безгре... нездешен
божий ветер-тиховей,
никуда себя не денешь
от него и тополей
серебристых и черешен
в тёплой кожице своей
в тонкой полиэтиленке
в людном парке меж людей.

Кеды.
Грязные коленки.
Небо солнечных лучей.

Я опять иду ребёнком
и не думаю о том,
что опять иду ребёнком
не последним летним днём.

* * *

Смеркается.
За колыбелью колыбель
под тихой песенкой качается,
и на земле, и под землёй,
и в небесах
и не кончается,
но нам с тобою в этих лодочках
спокойно плыть не получается.

Где голос тот, что пел
и мил,
а ты молчанием ловил его,
и пил его,
и пил..?

Ну... что ещё тебе сказать,
родившись и открыв глаза?..

По всей земле перед рассветом
когда-нибудь – смеркается.